

А. П. Купайгородская

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
(1929–1936)**

Начало существованию Ленинградского отделения Коммунистической академии было положено в 1927 г. организацией в Ленинграде (под эгидой городского партийного руководства) Института методологии марксизма; в 1928 г. он стал Ленинградским научно-исследовательским институтом марксизма (ЛИМ); в феврале 1929 г. секретариат Ленинградского обкома ВКП(б) постановил сосредоточить в этом институте «подготовку научных работников в области общественных наук (истории, социологии, экономики, философии)».¹ В 1929 г. Коммунистическая академия включила ЛИМ в свой состав, таким образом он стал Ленинградским отделением Коммунистической академии (ЛОКА). В том же году в составе Коммунистической академии был организован Институт истории — что было, как сказано в решении Президиума Академии, «настоятельно необходимым». Новому институту поручалась роль «основного научно-исследовательского центра марксистской исторической науки в СССР и базы научно-исследовательской работы Общества историков-марксистов».² Председатель Президиума Комакадемии М. Н. Покровский стал и директором Института истории.

В конце 1920-х гг. Коммунистическая академия приступила к организации филиалов в крупнейших городах страны — Ленинграде, Свердловске, Ташкенте, Тифлисе, Ростове-на-Дону, Воронеже, Новосибирские, Минске, Саратове, Владивостоке, Самаре.³ Продолжалось укрепление позиций и усложнение структуры Коммунистической академии. В нее был включен Институт красной профессуры. В начале 1930-х гг. в составе Академии было двенадцать институтов (аграрный, экономики, истории, философии и др.). Комакадемии и ее филиалам и институтам поручалось ведение научно-исследовательской и агитационно-пропагандистской работы в русле основных направлений деятельности коммунистической партии и советского правительства на всех уровнях — от всесоюзного до отдельных фабрик, заводов, цехов, колхозов. Все институты были обязаны принимать практическое участие в проводившейся по решению ЦК ВКП(б) (май 1931 г.) производственно-технической пропаганде.

Организация ЛОКА строилась в соответствии со структурой Комакадемии. Были учреждены научно-исследовательские институты: экономики; философии; истории; аграрный; литературы, искусства и языка; советского строительства и права; подготовки красной профессуры; Комиссия по изучению национальностей. Одновременно в системе ЛОКА создавался целый комплекс соответствующих ее направленности и содержанию работы учреждений, называвшихся по уже закрепившейся традиции «обществами» (что, очевидно, должно было подчеркивать их неофициальный, добровольный статус): историков-марксистов, воинствующих материалистов-диалектиков, марксистов-востоковедов, марксистов-государственников, экономистов-марксистов.

Аналогичные образования создавались не только в области обществоведения — были общества врачей-материалистов, марксистов-биологов, математиков-материалистов и т. д.

Система этих объединений, охватывавших буквально все области науки и просвещения, указывала на решимость партийно-государственного руководства подчинить все сферы теоретической и практической деятельности единой материалистической, марксистской методологии, не только не оставлявшей места для независимой исследовательской работы, но ставившей вне закона любые попытки ее реализации; монополия на определение соответствия «единственно верному» учению была у власти предрешающих, и, следовательно, от злобещих обвинений не был застрахован никто.

Преобразование ЛИМ в ЛОКА не было формальным. При этом был пересмотрен личный состав Института истории. Из числа действительных членов было исключено 8 человек, из списка научных сотрудников 1-го разряда — 7. В отчете о работе Института истории ЛОКА (апрель 1929—март 1930) было записано, что «исследователи типа Б. Д. Грекова и В. В. Струве выведены из состава Института и привлечены к работе в качестве ученых специалистов».⁴ По-видимому, таким образом подчеркивался более высокий ранг названных ученых, они освобождались от повседневных (разнообразных и многочисленных) обязанностей в институте, выполнения срочных идеологических заданий и неукоснительного соблюдения всех пунктов трудовой дисциплины.

Институт истории ЛОКА начал работать в апреле 1929 г., под руководством президиума: Г. С. Зайдель — председатель, З. Д. Лозинский — ученый секретарь; члены президиума — С. Г. Томсинский, И. С. Фендель, Х. Г. Лурье, А. Г. Пригожин, О. А. Лидак, И. М. Меламед, Попов. В составе института значилось 13 действительных членов, из них 10 членов ВКП(б), 18 старших научных сотрудников (из них членами партии были 7) и 15 младших научных сотрудников.⁵

В конце 1929 г. утверждался списочный состав научно-исследовательских институтов ЛОКА. На заседании правления ЛОКА 16 декабря 1929 г. (8 человек: Гоникман, Кирпотин, Зайдель, Уваров, Булат, Путрайм, Вольпе, Левит, Драбкин) рассматривался список Института истории. Он состоял из двух частей: действительные члены и старшие научные сотрудники. По докладу Г. С. Зайделя были утверждены действительными членами: Зайдель, Тюменев, Томсинский, Молок, Балабанов, Валк, Воробьев, Райский, Фендель, Лозинский, Лурье, Пальвадре, Пригожин, Викторов, Лидак; в списке старших научных сотрудников были: Мартынов, Вознесенский, Щеголев, Булкин, Розенберг, Ковалев, Кудрявцев, Введенский, Розенталь, Крюгер, Малышев, Кашин, Горловский, Меламед, Владимиров, Дренк, Францевич.⁶ Дополнения и изменения состава работающих начались уже вскоре после этого заседания. Весной 1930 г., отчитываясь за первый год своей деятельности, руководство института подчеркивало, что оно привлекло все основные кадры научных работников — марксистов-коммунистов Ленинграда и наиболее близких к ним беспартийных, «усваивающих марксистскую методологию», и одновременно «очистило свои ряды от ученых с буржуазной идеологией».⁷

Институт истории ЛОКА вначале работал по планам, разработанным еще ЛИМом. Сотрудники делились на группы по следующим темам: 1) история рабочего движения эпохи империализма; 2) история Великой французской революции; 3) история революционного движения и социальных конфликтов в древнем мире; 4) история аграрных отношений в России; 5) история народничества; 6) история рабочего движения в России, 1895–1916; 7) история профсоюзов в России; последними были созданы группы: 1) история Востока; 2) история гражданской войны и вооруженного восстания; специальная группа (или секция) методологии истории концентрировала усилия на «критике

псевдомарксистских концепций» — в тот момент в центре внимания были дебаты о сущности феодализма, торговом капитале, работах Дубровского; группа занималась также «критической разработкой» трудов Вебера, Допша, Трельча и проч.; идеологические баталии не были привилегией только этой группы — доклады, направленные «против Ростовцева» и «антимарксистской вылазки С. Лурье», были поставлены в группе истории революционного движения и социальных конфликтов в древнем мире.⁸

В целом по институту в 1929–1930 гг. значилось в работе 43 темы — почти у каждого сотрудника была своя, а у некоторых и две темы; лишь единичные проблемы разрабатывались двумя, редко — тремя исследователями; в списке запланированных докладов (с 1 января 1929 г. по 1 июня 1930 г.) значилось 55 пунктов; их тематика охватывала исторический процесс от глубокой древности до современности на всем пространстве развития цивилизации; отдельные темы носили принципиальный, обобщающий, теоретический или полемический характер («Методология истории эпохи торгового капитализма» — Малышев и Кудрявцев; «Проблемы конституирования рабочего класса» — Меламед, Балабанов, Оранский; «Спорные проблемы эпохи империализма» — Зайдель; «Что делало политику русского самодержавия на Дальнем Востоке боевой» — Романов; «О книге Лурье» — Ковалев; «Спорные вопросы борьбы течений в Парижской коммуне» — Молок; «История материальной культуры, ее предмет и задачи» — Кипарисов; «Идейные предшественники марксизма-ленинизма в России» — Кирпотин; «О книге Петрушевского» — Розенталь; «Социальный вопрос в Египте к концу среднего царства» — Струве и т. д.); многие конкретно формулировали определенный сюжет («Армия в Великой Французской революции» — Фендель; «История вотчинных отношений в XVI и XVII вв.» — Греков; «Пугачевщина» — Мартынов; «Классовый состав участников крестьянских восстаний в XIX в.» — Кашин; «Молодая партия Народной воли» — Валк; «Разинщина» — Томсинский; «Хозяйственная жизнь Греции в IX–VII вв. до н. э.» — Крюгер; «Античный способ производства» и «Македонская оппозиция в армии Александра» — Ковалев и т. д.).⁹ Немногим более половины исполнителей осуществили своевременно доклады по своим темам. В это же время шла спешная подготовка к печати коллективной монографии по истории стачечного движения в 1905 г., «Путеводителя по мировой истории», серии учебных пособий.

С самого начала своего существования Научно-исследовательский институт истории ЛОКА был обязан в устной и письменной форме (в виде докладов, лекций, написания общедоступных статей и брошюр) содействовать партийной агитационно-пропагандистской работе, в духе последних решений центральных руководящих органов.

В отчете о работе Института в 1929–1930 гг. отмечалось, что она ориентирована «в сторону текущих задач» периода социалистической реконструкции, сплошной коллективизации и ликвидации кулака как класса; центр тяжести переносится «на боевые проблемы современности» в плане подготовки к XVI партсъезду; для этого, в частности, создана группа по изучению пролетариата Ленинградской области в период социалистической реконструкции (1925–1930); из отчета явствует, что выполнять это задание должна была не только означенная группа — «на эту работу, имеющую срочный характер, брошены все основные силы института».¹⁰ Вести ее надлежало на основе выборочных обследований наиболее типичных предприятий Ленинграда и области, совместно с Ленинградским статоделом, с привлечением работников вузов и т. д.; были направлены две бригады — на Путиловский завод и фабрику Халтурина — «для изучения вопросов на месте».

Также придавался «ударный характер» работе групп по изучению рабочего движения на Западе и в России; следуя утверждению М. Н. Покровского об устарелости и ошибочности деления истории на западную и русскую было принято решение об объединении группы по изучению истории рабочего движения в России с группой по истории рабочего движения на Западе в эпоху империализма. Следовало не только перенести центр тяжести на изучение проблем послевоенного мирового рабочего и коммунистического движения, но и «организовать теоретическое разоблачение фашистов и социал-фашистов, и современных буржуазных историков».¹¹ В проекте резолюции о работе Института истории ЛОКА в 1930 г. особо отмечалось, что он почти совсем не уделял внимания этим актуальным проблемам.

Переводу научной работы на новые рельсы должна была содействовать ее стандартизованная организация, соответствующая новым внутривластным канонам. Научные учреждения были обязаны принимать тот же распорядок, что и все народнохозяйственные структуры. Разговоры об особой специфике расценивались как проявление антисоветских, контрреволюционных настроений. Ученые должны были участвовать в социалистическом соревновании — как и все трудящиеся. В сентябре 1930 г. бригады по проведению соцсоревнования между Археографической комиссией (АК) и Архивом АН постановили, что введение марксистского метода как обязательного отмечается двумя новыми печатающимися изданиями АК (материалами по истории тульских, каширских и олонекских заводов) — в этих работах проведена марксистская классификация; кроме того, в АК составлена марксистская хронология истории России.¹²

Перед институтом также ставилась задача в ходе «поворота к социалистической практике» осуществлять «подготовку марксистско-ленинских теоретических кадров и высококвалифицированных партийно-советских работников». Фиксировалось внимание и на том, что в первую очередь необходимо этим кадрам в данной ситуации, когда ЛОКА осуществляет «новый курс, меняет содержание и формы работы: сокращение общетеоретических дисциплин и поворот в сторону современности».¹³

Руководство Института истории ЛОКА, фиксируя в Объяснительной записке к отчету за 1929–1930 гг. недостатки в работе (было отмечено, что их много), определяло установки на будущее. В ряду недостатков первым делом отмечалось, что изучение актуальных проблем, «связанных с переживаемым этапом борьбы международного пролетариата и строительства социализма в СССР», «занимало незначительное место в работе», а «центр тяжести лежал в изучении тем, относящихся к более ранним эпохам».¹⁴ Также были признаны недостаточными: «работа над методологией истории», разработка дискуссионных проблем исторического фронта, указано на «слабое участие» в дискуссии о «Народной воле». В то же время было подчеркнуто, что институт «оживил историческую мысль Ленинграда» участием в обсуждении ряда спорных проблем, в частности — в дискуссии по поводу книги Дубровского, имевшей «большое политическое значение».

Принципиально важным для постановки работы Института истории ЛОКА был порядок составления планов работы — и об этом в Объяснительной записке к Отчету было сказано особо; указывалось, что при составлении планов исходили главным образом из индивидуальных заявок научных работников, а «элемент активного планирования научной работы отсутствовал»; сотрудники выносили темы на обсуждение института,

минуя группу или секцию;¹⁵ при большом количестве внеплановых докладов почти совсем не было коллективных работ.

К недостаткам в работе Института истории ЛОКА было отнесено нечеткое разграничение работы института и Общества историков-марксистов (ОИМ). Таким образом подтверждается близость, родственность статуса и функций подразделений ЛОКА: официальных — институтов и как бы неформальных, добровольных — обществ. После закрытия Научного общества марксистов (НОМ) в начале 30-х гг. его имущество перешло к ЛОКА.

Работники Института истории ЛОКА выполняли дополнительные задания не только на своей основной работе; за редкими исключениями почти все они несли научную и преподавательскую нагрузку в других учреждениях, выполняли разнообразные партийные поручения. Таким образом, они имели постоянные деловые, служебные контакты с коллегами по специальности и научной работе вне института. В декабре 1930 г. директор института, он же заместитель председателя президиума ЛОКА, Г. С. Зайдель преподавал в Ленинградском университете и в Ленинградском коммунистическом университете (ЛКУ). Его заместитель по институту С. Г. Томсинский помимо преподавания в Коммунистическом университете и в Ленинградском государственном историко-лингвистическом институте (ЛГИЛИ или ЛИЛИ) был членом Архивной комиссии АН, руководил кафедрой в Нарвском Комвузе (коммунистическом вузе) и кружком на заводе. Заведующий кадрами института И. С. Фендель преподавал в Военно-политической академии им. Толмачева (ВПАТ), районном Комвузе, ЛИЛИ, был пропагандистом во ВПАТ и в Василеостровском и Петроградском районах; Н. С. Балабанов (беспартийный) работал также в ЛИЛИ и в Институте потребкооперации; О. А. Лидак — в Комвузе и Институте им. Герцена; Х. Г. Лурье работал также в Институте им. Герцена, Институте им. Крупской, выполнял задания Василеостровского райкома, руководил активом Балтийского завода; Л. Г. Райский преподавал в ЛИЛИ и Институте им. Крупской, руководил кружком текущей политики, группой беседчиков, выступал с докладами по заданиям Обкома ВКП(б); А. И. Молок (беспартийный) работал в ЛИЛИ и в Институте им. Крупской; А. Г. Пригожин преподавал в Комвузе; А. А. Алимов работал также в Ленинградском восточном институте им. А. С. Енукидзе (ЛВИ); В. Н. Кашин (беспартийный) преподавал на сельскохозяйственном рабфаке; М. И. Мартынов (беспартийный) работал в Комвузе, в ЛИЛИ, в Институте им. Герцена; С. И. Ковалев (беспартийный) преподавал в ЛГУ, Комвузе, ЛВИ, ВПАТ; И. М. Меламед работал в ЛИЛИ, Школе профдвижения (был там же докладчиком при коллективе коммунистов), вел кружок по диалектическому материализму при Объединенном драматическом театре, был агитатором Октябрьского райкома. В ряде случаев работа по совместительству была не менее ответственной и трудоемкой, чем основная. Возглавляли кафедры: Н. С. Балабанов — в Институте потребкооперации, З. Б. Лозинский — в Институте им. Герцена, С. Г. Томсинский — в ЛКУ, И. С. Фендель в ВПАТ, С. И. Ковалев в ЛГУ; Я. К. Пальвадре, работая в Институте истории ЛОКА, одновременно не только руководил кафедрой в ЛИЛИ, но был директором этого института.¹⁶

В январе 1931 г. Президиум ЛОКА, обсуждая работу Института истории, постановил предложить ему «в связи с развернувшейся дискуссией о положении на историческом фронте начать проработку ряда дискуссионных тем».¹⁷ Очевидно, это был сигнал к развертыванию массивной проработочной кампании в отношении преследуемых

органами политического руководства бывших коллег и сотрудников, их учеников, друзей, единомышленников и т. п. Президиум выделил специально и особо актуальную проблематику — сущность фашизма и социал-фашизма; ее должна была разрабатывать соответствующая специальная секция, к которой был обращен упрек в недостаточной активности. В начале 1931 г. для оглашения обвинительных речей историков против их осужденных коллег было организовано объединенное заседание Института истории ЛОКА и отделения Общества историков-марксистов. Материалы этого заседания были вскоре опубликованы в известном издании «Классовый враг на историческом фронте: Тарле и Платонов и их школы» (М.; Л., 1931); на титульном листе авторами были обозначены докладчики: Г. Зайдель и М. Цвибак. Зайдель говорил о вредительстве на фронте исторической науки, «тарлевщине» как синониме контрреволюции, о Тарле, который «никогда не был марксистом», а выполнял «социальный заказ буржуазии» и т. п. Цвибаку было поручено развенчание Платонова (главы «политически реакционного объединения», «защитника интересов помещиков и капиталистов» и т. п. и «старых черносотенцев типа Лихачева»). Около десяти сотрудников института с энтузиазмом поддержали филиппики докладчиков. На общем безрадостном, агрессивном, обличительном фоне заметно выделялись выступления С. Н. Валка и В. Н. Кашина, пытавшихся сохранять академический стиль в содержании и форме выступлений, оставаться в русле аргументированной критики, не вовлекаясь в стихию безудержного политиканствующего злословия; за это и были обруганы в заключительных выступлениях докладчиков, рассчитывавших на то, что у «марксистского учреждения» не будет надобности исполнять «функции погребения научных покойников» — следует «предоставить им самим погребать друг друга».¹⁸

С ноября 1931 г. работа всех научных и учебных учреждений, общественных организаций шла под знаком проработки известного письма В. И. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма». Письмо открыло кампанию «против оппортунистов всех мастей», за неукоснительное соблюдение принципа партийности в науке, конкретных установок большевистского руководства. На трех заседаниях Ленинградского отделения общества историков-марксистов, проходивших с 21 по 26 ноября 1931 г., после доклада Пригожина все положения этого документа с энтузиазмом одобрили около тридцати выступавших.¹⁹

Конкретные формулировки для применения в подобных «обсуждениях» были предоставлены принятым в декабре 1931 г. Постановлением Президиума ЦКК ВКП(б) об ошибках Ем. Ярославского при редактировании «Истории ВКП(б)». 20–22 декабря на пленуме совета Общества историков-марксистов (ОИМ) были названы «троцкистскими контрабандистами» Слуцкий и Волосевич, а четырехтомная «История ВКП(б)» под редакцией Ярославского — «троцкистской контрабандой». В разной степени приближались к этим определениям изобретательно сформулированные характеристики многих других функционеров ЛОКА. С. Покровский «смыкался» с «троцкистскими контрабандистами»; Цвибак был «заражен идеями, почерпнутыми из буржуазной и троцкистской историографии»; Томсинский «по-троцкистски разрешал основные проблемы революции 1905 г.» и «не дал критики своих ошибок»; «принципиальные ошибки» обнаружили выступавшие в работах Малышева, Зайделя, Горловского, Райского. Критикуемые не оставались в долгу и, как правило, покаявшись в своих «ошибках», обращали полемические стрелы против своих обвинителей, не забывая и других коллег.

Зайдель говорил о «политических ошибках» Корнатовского, Томсинский — в основном о своих, Шелавин — о своем «гнилом либерализме» при редактировании книги С. Покровского.²⁰ Было обращено внимание и на недопустимо замедленную реакцию партийной организации Института истории партии — полтора месяца она не реагировала на публикацию письма Сталина, не ставила его на обсуждение.

Фракция (коммунистическая) Общества историков-марксистов ЛОКА приняла обширную резолюцию по докладу Кнорина «О политических уроках письма Сталина и задачах исторического фронта» — они формулировались как часть государственной политической программы и должны были соответствовать ее основным актуальным направлениям; историки были обязаны своей работой участвовать в развертывании «социалистического наступления по всему фронту», в ликвидации «остатков капиталистических элементов, оказывающих бешеное сопротивление», «остатков враждебных классов, идущих ко дну», «меняющих формы и методы подрыва пролетарской диктатуры». В этой ситуации партия усиливала «огонь по оппортунизму, ставшему на путь прямого буржуазного перерождения», пособничества мировой буржуазии, которая в союзе с социал-фашистами «под прикрытием буржуазной демократии готовит интервенцию против СССР». К уже названным ранее «троцкистским контрабандистам» Слуцкому и Волосевичу присоединились «полутроцкисты» — Фридлянд, Баевский, Бантке, Зайдель и др. С ярлыками контрреволюционеров фигурировали фамилии Радека и Троцкого, с обязательным упоминанием его ошибок — Ярославский, а М. Н. Покровский — напротив — как боец с Тарле, Яворским, Слепковым, «самим Троцким».

Общество историков-марксистов не оставило без внимания и ситуацию в Институте истории партии. Партийное собрание Института истории уже отметило «гнилой либерализм» в деятельности его парторганизации. К этой оценке теперь присоединилось ОИМ — на том основании, что его руководство и сотрудники (Ульянов, Корнатовский, Аввакумов) недостаточно объяснили и неудовлетворительно квалифицировали недостатки в своей работе; обнаружилось и нежелание одной из сотрудниц «отказаться от троцкистских взглядов на основные вопросы истории большевизма»; в резолюции выдвигалось требование — в связи с тем что т. Цвибак «не разоружился перед партией, продолжал отстаивать свои троцкистские взгляды», более того — проводил «групповую деятельность... на основе неизжитых троцкистских позиций» считать необходимым «поставить вопрос о пребывании Цвибака в партии».²¹

Давая обзор работы ЛОКА за пять лет (1928–1932), его Президиум определил характеристику ее направленности и содержания; они заключались в борьбе за генеральную линию партии, «против контрреволюционного троцкизма и правого оппортунизма, меньшевистствующего идеализма, механистов и разных вредителей в области философии марксизма». В обзоре констатировалось, что в процессе этой борьбы «коллектив научных работников ЛОКА очистил в основном свои собственные ряды от всякого рода оппортунистов и в основном отобрал кадры идеологически выдержанных научных работников».²²

Максимальная идеологизированность научной работы должна была обеспечиваться ее соответствующей строгой организацией, установленным свыше порядком, обязательным для всех учреждений. Академия наук, реализуя всеобщий для всех отраслей производственной и интеллектуальной деятельности принцип детального планирования работы, с 1930 г. приступила к составлению и обсуждению подробных планов

на предстоящий год. Для этой цели была создана Планово-организационная комиссия. Стержнем ее работы должно было стать неукоснительное следование принципу партийности науки, преодоление антимарксистских, антиленинских установок во всех ее областях, общественных и естественных — в соответствии с формулировками принятого ЦК ВКП(б) 25 января 1931 г. постановления о журнале «Под знаменем марксизма».

В апреле 1931 г. Общее собрание Академии наук приняло Постановление об основных проблемах плана работы на 1932 г. В перечне проблем социально-экономических было записано: «Разыскание, систематизация и издание материалов по истории пролетариата в феодально-крепостническую эпоху в связи с историей общественных формаций и развитием производительных сил; разыскание, систематизация и издание материалов по истории народов СССР с связи с вопросом колониальной политики эпохи царизма; смена стадий в докапиталистическом обществе на основе развития производительных сил; этнический состав населения СССР; история книги, документа и письма с марксистской точки зрения».²³ С предельной определенностью в этом плане (принятом по докладу В. П. Волгина) установлены и перечень приоритетных проблем и директивно рекомендуемое направление их разработки; отчетливо слышатся (даже в таких кратких формулировках) отзвуки недавних идеологических проработок на фронте исторической науки.

В начале 1931 г. в резолюции Общего собрания научных сотрудников ЛОКА было отмечены приоритетные темы работы обществоведов: II пятилетний план, XV годовщина Октября, 50-летие смерти К. Маркса. При выполнении заданий предписывалось соблюдать строгую очередность, «контролировать выполнение рублем», бороться с «самотеком и недисциплинированностью, не останавливаясь перед отчислением уклоняющегося от выполнения в срок работы научного сотрудника и передачи его для соответствующего партвызыскания в партийные органы». Всю научно-исследовательскую работу требовалось перестроить, для чего профсоюзные организации должны были «взяться за внедрение методов соцсоревнования и ударничества в научной работе», завести черные и красные доски для «идущих впереди и отстающих», публиковать в газете ЛОКА («За ленинские кадры») портреты лучших и худших научных работников.²⁴ Сроки сдачи плановых работ указывались не в кварталах или месяцах, а в днях. Подводя итоги I квартала 1933 г. администрация Института истории ЛОКА отметила как нарушителей (в их числе были и ответственные, руководящие работники) даже тех, кто сдал работу с опозданием всего на 5–6 дней.

О серьезности намерений администрации Института истории ЛОКА относительно сроков выполнения плановых заданий свидетельствует затянувшийся инцидент с работами А. И. Молока. Александр Иванович Молок был одним из наиболее образованных, авторитетных, интенсивно работающих (так отмечалось в одной из его деловых характеристик) сотрудников института. После окончания Петроградского университета (в 1922 г.) он вел научную и преподавательскую работу в научных и учебных заведениях города; с 1927 г. — сотрудник ЛИМа; стал доктором наук; в партию не вступил, но был членом Общества историков-марксистов; специализировался по истории нового времени, конкретно — изучал события 1848 г., Парижскую коммуну; свободно говорил и читал на французском языке, читал также на немецком и английском; в 1928 г. три месяца был в научной командировке в Париже; в апреле 1933 г. директорат Института истории постановил выдавать научным сотрудникам «продукцию

научно-технических работников (видимо, выписки, рефераты, переводы и т. п.) только после просмотра их т. Молоком»; тогда же именно ему поручил директорат выработать образец аннотации обсуждаемых работ.²⁵

В сентябре 1932 г. Молок должен был предъявить администрации текст плановой работы. 3 сентября ему было отправлено (по почте) извещение (на машинописном бланке, с вставленной датой и названием, с обращением «дорогой товарищ», без фамилии, она была только в адресе): «Согласно заключенному Вами с Институтом истории трудовому договору, Вам надлежит к 20 сентября представить статью на тему «Германская социал-демократия и Парижская коммуна». В противном случае выплата обусловленных договором сумм механически будет прекращена во второй половине сентября». 15 сентября Молок письменно попросил разрешения передвинуть срок подачи на 25 октября, так как нужны еще три недели для сбора материала, и, кроме того, необходимо написать и о массовом рабочем движении, т. е. расширить тему.²⁶ 2 мая 1933 г. Молок подал в директорат Института истории ЛОКА заявление, в котором объяснял причину задержки представления другой рукописи тем, что запланированная статья «разрослась в брошюру» (5–6 листов), работа над ней затянулась и оказалось под угрозой своевременное написание следующей статьи. Далее сообщалась и еще одна причина задержки — «расстроенное здоровье»; автор предлагал и некоторую компенсацию — внеплановую подготовку к печати комплекса архивных документов.²⁷ Вскоре, 26 мая, заявление Молока обсуждалось на заседании директората института. В постановлении отмечалось, что «т. Молок более кого-либо затянул сроки» и все же не представил статью «Маркс и июньское восстание 1848 г.»; ему предлагалось сдать статью размером не более двух листов (т. е. не только завершить ее, но сократить более чем вдвое) до летнего отпуска (вердикт выносился в конце мая!). Постановление завершалось суровым, категорическим заключением: «Вторично указать т. Молоку, что он является одним из самых недисциплинированных сотрудников и нарушает план Института».²⁸ Но даже через несколько лет на отчетном собрании Института истории А. И. Молок все еще упоминался как не выполнивший план.

Не только тематика и содержание, сроки выполнения, но и распорядок ведения научно-исследовательской работы в институтах ЛОКА подвергались скрупулезно детализированной регламентации. С 1932 г. основными обязательными местами занятий сотрудников стали кабинеты ЛОКА, оснащенные необходимой литературой, периодикой, справочниками, картотеками и т. д. Был установлен обязательный минимум времени работы в кабинетах (не менее 60 часов в месяц). Руководство ЛОКА требовало от сотрудников графики посещаемости, в случае несоблюдения — справки о причинах (болезнь, командировка); фамилии образцовых посетителей отмечались на красных досках, недисциплинированных — на черных. В кабинетах запрещались не только разговоры и курение, но и чтение литературы, не относящейся к теме работы (свежих газет и т. д.). Выполнять планы работы в кабинетах были обязаны все сотрудники, не исключая руководителей. Последним давались сниженные нормы; но их выполнение требовалось неукоснительно; в результате обследования, проведенного в октябре 1934 г., обнаружилось «совершенно недопустимое отношение директоров, ученых секретарей институтов к работе в кабинетах».²⁹ Строго регламентировались и обязательные нормы выработки. В 1934 г. научный сотрудник института ЛОКА должен был по истечении производственного года (10 рабочих месяцев) представить 8–10 авторских листов

монографии по профилю института или выполнить другие виды работ, приравняемых к 8–10 листам монографии (но все же в этом объеме должно было быть не менее 5 листов монографии). Была составлена подробная таблица коэффициентов, в которой были учтены все возможные виды работ, поручаемых сотрудникам. Наибольшей ценностью обладал печатный лист монографии или статьи, являющейся частью монографии — 10 единиц; печатный лист статьи для БСЭ ценился в 8 единиц, учебника — 6, научно-популярной работы, критической статьи или рецензии — 5; редактирование 1 п. л. — 0,5 единиц, отзыв о работе объемом в 1 п. л. — 0,3 ед. и т. д.³⁰

Детальной регламентации и усиленному контролю работы научных сотрудников сопутствовали растущие трудности доступа исследователей к первоисточникам — документам, хранящимся в архивных фондах. Курс на приоритет проблем и тематики новейшего времени не поддерживался свободным доступом ученых к отражающей эти сюжеты документации. Напротив. Формировалась жесткая система ограничений и запретов. Поскольку в начале 1930-х гг. она была в стадии становления, исследователи еще не воспринимали ее как проявление государственной политики, нередко писали и говорили вслух о своих неудачных с ней столкновениях. В начале 1933 г. сотрудник Института истории ЛОКА Л. Г. Райский обратился в дирекцию с заявлением о том, что не получил в ИМЭЛ документы, требующиеся ему для выполнения планового задания. Аналогичная жалоба поступила и от академика Тарле. В другом архиве научный сотрудник института В. Н. Кашин не получил требуемых документов, так как не мог указать номер дела, при этом в выдаче описей ему было отказано.³¹

Резко сужались и возможности ознакомления с литературой — по откровенно политическим мотивам. Библиотеки и магазины получали списки подлежащих немедленно изъятию книг, к изданию которых были причастны перечисленные лица — авторы текстов, предисловий, редакторы, комментаторы и т. д. Над составлением этих списков с 1922 г. усиленно трудился Главлит (Главное управление по делам литературы и издательств). В период разворачивания преследований бывших корифеев борьбы за торжество коммунизма в стране центральное место в перечнях запрещенных изданий заняли их сочинения. В списке, разосланном в октябре 1936 г., значились все книги Г. Зиновьева, Л. Каменева, Г. Евдокимова, И. Вардина. В. Невского, Г. Зайделя и др. — всего 27 фамилий.³² Любознательность студентов, недоумевавших, почему они не могут непосредственно, читая писания «врагов народа», убедиться в их вредности, наказывалась жестко: исключением из комсомола, партии, учебного заведения, арестом (нередко прежде всего вышперечисленного).

В ноябре 1935 г. на сессии АН СССР было принято решение о создании в системе Академии Института истории. Организационный период нового института проходил в напряженной атмосфере многократных публичных слушаний по поводу постановлений руководства ВКП(б) и СНК о преподавании истории, учебниках по истории, положении в исторической науке. Одним из центральных объектов разгромной «критики» был директор Института истории ЛОКА, только что занявший пост декана восстановленного в 1934 г. исторического факультета ЛГУ Г. С. Зайдель. Менее чем через полгода после открытия истфака он был обвинен в пособничестве троцкистам, зиновьевцам, уклонистам, прочим «проходимцам». 15 января 1935 г. директор ЛГУ М. Лазуркин подписал приказ о снятии с работы декана Г. С. Зайделя «как не оправдавшего доверия партии» и об исключении его из списков профессорско-преподавательского

состава. Соответственно поступило и руководство ЛОКА — партком ЛОКА постановил исключить его из рядов ВКП(б), а общее собрание партийного коллектива ЛОКА одобрило это решение единодушно, предварительно обвинив одного из своих бывших руководителей в недопустимом, гнилом либерализме по отношению к работам представителей дореволюционной исторической науки, отсутствию партийной бдительности, в беспринципности, «проявлении меньшевистского нутра» и т. п.³³

В феврале 1936 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли решение, знаменующее новый этап в истории советского государства — о ликвидации Коммунистической академии и передаче ее институтов и учреждений в состав Академии наук СССР.³⁴ Было признано нецелесообразным существование двух академий. Понадобилось около двух десятилетий на приведение АН в полное соответствие с принципами советской политической системы. Теперь она могла, сохраняя внешне академический облик, успешно выполнять и функции Коммунистической академии — тем более что основные кадры последней были переведены в АН; им поручалась ответственная миссия — они должны были «значительно укрепить состав» Отделения общественных наук.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный Государственный архив историко-политической документации в СПб. (ЦГАИПД). Ф. 24. Оп. 1. Д. 159. Л. 64.

² Информационный бюллетень Коммунистической академии. 1928. № 9. С. 46; Организация советской науки в 1926–1932 гг. Л., 1974. С. 252.

³ Организация советской науки в 1926–1932 гг. С. 258–259.

⁴ Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее — СПбФА РАН). Ф. 225. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Д. 51. Л. 2.

⁷ Там же. Д. 12. Л. 26.

⁸ Там же. Д. 10. Л. 23, 23 об., 25.

⁹ Там же. Д. 12. Л. 27–29; Оп. 5. Д. 4. Л. 34–36.

¹⁰ Там же. Д. 10. Л. 25; Д. 12. Л. 8, 9.

¹¹ Там же. Д. 51. Л. 274.

¹² Там же. Ф. 175. Оп. 19. Д. 8. Л. 1.

¹³ Там же. Ф. 225. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.

¹⁴ Там же. Л. 26.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Д. 24. Л. 152, 159.

¹⁷ Там же. Д. 51. Л. 11.

¹⁸ *Зайдель Г., Цвибак М.* Классовый враг на историческом фронте: Тарле и Платонов и их школы. М.; Л., 1931.

¹⁹ СПбФА РАН. Ф. 225. Оп. 1. Д. 4. Л. 55.

²⁰ Там же. Л. 55–62.

²¹ Там же. Л. 36–39.

²² Там же. Д. 17. Л. 1, 2.

²³ Вестник АН СССР. 1931. № 6. Стб. 51–52.

²⁴ СПбФА РАН. Ф. 227. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

²⁵ Там же. Д. 77. Л. 23; Ф. 227. Оп. 1. Д. 13. Л. 43; Д. 73. Л. 12 об.

²⁶ Там же. Ф. 227. Оп. 1. Д. 13. Л. 30, 31.

²⁷ Там же. Д. 16. Л. 40.

²⁸ Там же. Л. 41

²⁹ Там же. Ф. 225. Оп. 1, Д. 9, Л. 40.

³⁰ Там же. Л. 21, 22.

³¹ Там же. Ф. 227. Оп. 1. Д. 16. Л. 79; Д. 71. Л. 11–11 об.

³² ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 8. Д. 407. Л. 45.

³³ Там же. Ф. 984. Оп. 5. Д. 15. Л. 36–38.

³⁴ Вестник АН СССР. 1936. № 2. С. 57–58.